

У ИСТОКОВ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

ЛЮБИТИНО 2002

У истоков
Новгородской
Земли

Любытинский археологический
сборник

ВЫПУСК 1

Любытино – 2002

*Носов Е. Н. (С.-Петербург),
Конецкий В. Я. (Великий Новгород),
Иванов А. Ю. (Любытино).*

**КОМПЛЕКС АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ПАМЯТНИКОВ В ДОЛИНЕ Р. БЕЛОЙ
В КОНТЕКСТЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ ¹
(итоги и перспективы изучения)**

Заметным явлением в изучении славяно-русских древностей Северо-Запада стала тенденция к “микрорегионологике”, предполагающая более или менее тотальное изучение древностей небольших конкретных территорий, население которых в древности представляло определенные общности, обусловленные естественно-природными и социальными факторами. Данный подход позволяет представить локальные особенности историко-культурных и социальных процессов, т. е. выйти на уровень конкретных и обоснованных исторических реконструкций, и в тоже время является непременным условием для понимания общих тенденций развития целых регионов, в данном случае Северо-Запада, почти полностью охваченного в средневековье рамками Новгородской земли.

Безусловно, конкретная роль каждой из таких локальных территорий на разных хронологических отрезках была различной. В данной связи, несомненно, привлекает внимание микрорегион расположенный в среднем течении Мсты, в окрестностях современного поселка Любытино, значение которого на рубеже I-II тыс. н. э. явно выходит за рамки Помогостя.

В физико-географическом отношении рассматриваемая территория представляет собой часть долины р. Белой - небольшого (немногим более 20 км длиной) притока р. Мсты.

В нижнем своем течении р. Белая, на участке около 10 км от пос. Шереховичи до устья прорезает так называемые “Шереховичские высоты” Тихвинской гряды Валдайской возвышенности и протекает в широком (1-3 км) доледниковом понижении, ограниченном крутыми склонами, покрытыми лесом. Долина р. Белой сложена дерново-подзолистыми и пойменно-аллювиальными почвами и в значительной мере покрыта сосновыми лесами, которые чередуются с более низменными луговыми участками, особенно вдоль небольшой р. Забитницы, также текущей по этой доледниковой долине в р. Мсту.² В центре долины у д. Княжее Село, в 3 км от устья р. Белой, расположено небольшое, одноименное деревенное озеро диаметром около 0,5 км, из которого вытекает ручей, впадающий в р. Забитницу. По происхождению Княжесельское озеро, очевидно, является карстовым.

1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ. Значительная концентрация археологических памятников в долине р. Белой, казалось бы, давно должна была привлечь серьезное внимание исследователей. К сожалению, это произошло лишь в последние десятилетия, хотя нельзя сказать, что они оставались совсем неизвестными археологам. Данные о древностях входили в научный оборот в виде разрозненных, неполных сведений, чаще всего не согласующихся друг с другом и соотносимых с различными населенными пунктами, а главное не увязанных между собой как памятники одного компактного микрорегиона, по существу единого суперкомплекса. Кроме того, большинство полученных материалов так и остались неопубликованным.

Еще в 1888 г. слушателями Археологического института под руководством Н. Ф. Бранденбурга были проведены раскопки трех сопок в группе при усадьбе Пробужа, близ д. Николаевка. Следует отметить высокий для того времени методический уровень этих работ. В фонде директора Археологического института Н. В. Калачева в ЦГИА сохранился текст доклада В. Н. Коленского с описанием раскопанных насыпей и

три схематическими планами. Тогда же участники поездки осмотрели окрестности усадьбы и отметили на расстоянии 2-3 верст наличие 97 различного рода погребальных насыпей, образующих несколько групп. В. Н. Коленский упоминает также о горшке с кальцинированными костями и вещами, вырытом крестьянином у д. Княжее Село и доставленном в Археологический институт Н. И. Еникеевым.³ Сам Н. Н. Еникеев составил записку о раскопках Н. Ф. Бранденбурга для Новгородского общества любителей древностей.⁴ Накануне XV Археологического съезда, который проходил в Новгороде, местным помещиком полковником А. Ф. Товаровым был сделан тщательный глазомерный план курганов у дороги из Любытина в д. Княжее Село, вдоль которой зафиксировано 52 насыпи.⁵ К сожалению, топографическая съемка могильника, где велись работы Н. Ф. Бранденбурга, не была выполнена.

В своде древностей Новгородской губернии И. С. Романцева (1911 г.) были приведены сведения о ряде погребальных памятников района: Белое - 7 и 38 сопки, Пробужа - 47, Лъзички - 13, Николаевка - 20, Брод - 16, Княжее Село - 26, Малышево - 3 и т. д.⁶ Однако факт составления свода на основании опросных листов определил неотчетливость многих данных, а главное привел к дублированию сведений.

В 1912 г. у д. Княжее Село в урочище "Кузница" крестьянами разрывались сопки. Находки собрал местный учитель, и о них было сделано сообщение на заседании Новгородского общества Любителей древностей его членом З. А. Слезкинской.⁷ Затем обнаруженные предметы были переданы на рассмотрение Археологической комиссии.⁸ В 1916 г. сведения о них и фотографии вещей и двух горшков были опубликованы в отчете Археологической комиссии.⁹ Сами материалы поступили в фонды Эрмитажа.¹⁰

В 1928 г. в рамках работ по обследованию археологических памятников Ленинградской области район пос. Любытино посетил В. С. Адрианов. Им была проведена глазомерная съемка сопки и курганов вдоль дорог из пос. Любытино

в Княжее Село и дано краткое их описание. В. С. Адрианов впервые составил сводный план погребальных памятников района, на котором учел 94 сопки и кургана, хотя многое осталось им незамеченным. В группе сопок у д. Бор (ныне восточная часть д. Княжее Село) В. С. Адриановым была частично раскопана полуразрушенная насыпь, достигавшая высоты 2,3 м.¹¹

В 1941 г. Н. Н. Чернягин, по материалам И. С. Романцева и В. С. Адрианова, включил в свод сопок и длинных курганов для рассматриваемого района 5 пунктов (Льзички - 13 сопок, Черезборицы - 1, Малышево - 3 сопки и "вал - длинный курган?", Белое - курганная группа, среди которой есть удлиненные и длинные насыпи).¹² Подобная совершенно произвольная и ни на чем не основанная выборка свидетельствует лишь о том, что Н. Н. Чернягин "не поверил" в столь высокую и необычную концентрацию сопок и курганов близ пос. Любытино (по данным И. С. Романцева и В. С. Адрианова). В результате в своде 1941 г. район при впадении р. Белой в р. Мсту ничем не выделяется среди прочих территорий Помостья. Гораздо полнее материалы В. С. Адрианова использовали для составления каталога курганов Древней Руси X-XIII вв. А. В. Успенская и М. В. Фехнер (1956 г.). Однако, правильно называя пункты, исследовательницы не дифференцировали их по типу погребальных насыпей (сопки, курганы с сожжениями, курганы с труположениями), что снизило значимость свода для понимания историко-археологической ситуации в долине р. Белой.¹³

Начиная с конца 1930-х годов сопки и курганы в окрестностях пос. Любытино, в основном у дороги на д. Николаевка, раскапывались местными краеведами, в первую очередь Е. Н. Корсаковым - учителем, основателем Любытинского музея. Документация работ не велась, некоторая информация об их результатах содержится в паспортах на памятники, составленных в 1949 г.¹⁴ Найденные вещи хранились в местном музее, а после его ликвидации в 1956 г. часть де-

паспортизированных находок была передана в Новгородский музей.¹⁵ Позднее при Любытинской школе благодаря усилиям ее учителей, в первую очередь А. Н. Кобиясова, за счет случайных находок и сборов из разрушавшихся сопок и курганов сформировалась небольшая археологическая коллекция.

В 1959 г. археологические древности в окрестностях пос. Любытино осматривались С. Н. Орловым. Им была проведена паспортизация памятников, составлены графические съемки и краткие обобщенные описания различных групп. К сожалению, С. Н. Орлов не свел все данные воедино, отчего его материалы не дают целостной картины и трудно сопоставимы с планами А. Ф. Товарова, В. С. Адрианова и реальным расположением памятников.¹⁶ В начале 1960-х годов несколько паспортов на памятники Любытинской округи составил боровичский краевед Г. И. Ивановский.¹⁷ В 1965 г. А. В. Куза получил некоторые вещи из разрушенного строителями кургана у дороги из пос. Любытино в д. Николаевка.¹⁸

При составлении сводов сопок (1970 г.) и длинных курганов (1974 г.) В. В. Седов опирался в основном на многочисленную и порой не согласующуюся между собой паспортную документацию Новгородского управления культуры (НОК) и на те сведения из данных И. С. Романцева и В. С. Адрианова, которые в 1941 г. использовал Н. Н. Чернягин.¹⁹ Изъяны исходной документации привели к неточностям и накладкам в отношении разбивки сопок на группы, количества насыпей в них, их привязки к населенным пунктам и т.д. Так, например, при описании пунктов № 246 и № 248 у д. Княжее Село речь идет об одном и том же сопочном могильнике. Городище, упомянутое при характеристике сопок в пункте № 248, на самом деле является длинным курганом, который в описаниях краеведов обозначался как “оборонительный вал”. В 1974 г. этот объект по праву был включен В. В. Седовым в свод длинных курганов (№ 226), хотя и привязан, вслед за Н. Н. Чернягиным, к совсем иным насе-

ленным пунктам (Белое, Лъзички и Николаевка). Сопки у д. Лъзички (№ 260) дублируют группы сопок у пос. Любытино (№ 255 и № 257), а сопки у д. Николаевка (№ 251) фактически являются сопками близ усадьбы Пробужа, которые в тексте свода В. В. Седов считает невозможным относить к данной категории памятников и в каталог не включает.²⁰ Пункт № 255, учтенный как длинный курган, является валом городища Малышево и т. д. При всех этих неточностях свод сопок В.В. Седова, в отличие от свода Н. Н. Черныгина, показал многочисленность данной группы древностей близ пос. Любытино (учтено 14 пунктов).

В 1978 г. в ходе работ по подготовке “Свода памятников истории и культуры Новгородской области” несколько групп курганов и сопок в районе пос. Любытино осмотрел Г. Н. Пронин. Уникального характера комплекса памятников исследователь, преследуя цели скорейшего формального составления паспортов, к сожалению, не оценил. Полного учета даже известных древностей микрорегиона Г. Н. Пронин не предпринял. Им были произвольно выхвачены из общего контекста древностей несколько групп памятников на которые были составлены паспорта – погребальные сооружения между деревнями Брод и Княжее Село и у дороги от урочища “Кузница” к бывшей усадьбе Пробужа. Исследователь, вопреки элементарной “археологической логике”, счел длинный курган в составе могильника у д. Княжее Село – Любытино (вытянутый по бору вдоль дороги) “неясной насыпью валообразной формы, истинные размеры которой определить трудно”, и не включил его в снятый план комплекса, тем самым отказав в праве на существование уникальнейшему для всего Северо-Запада России длинному кургану. Г. Н. Пронин составил также паспорта на три селища: первое в пойме р. Белой выше д. Брод, второе - на поле рядом с сопками у дороги от Княжесельского озера к д. Николаевка, третье - в д. Княжее Село у сопок при выезде на д. Кремница. По его данным, на поселениях присутствовала позднес-

редневековая гончарная керамика XIII-XVI вв., в подавляющем большинстве белоглиняная, но наряду с этим во всех случаях под вопросом определялась и лепная, и гончарная керамика, синхронная сопкам и курганам.²¹ В коллекции с этих селищ, сданной Г. Н. Прониным в Новгородский музей, лепная и раннегончарная керамика отсутствуют, что, несомненно, не случайно. Наши многолетние неоднократные поиски показали, что коллекцию Г. Н. Пронина пополнить ранними материалами, чтобы привести в соответствие с его полевым отчетом и паспортами, никак нельзя, поскольку никаких ранних материалов, синхронных окружающим погребальным памятникам на указанных Г. Н. Прониным участках, просто нет, а наличие ранней керамики составителем паспортов просто “придумано” для их научной весомости при последующей оплате в органах охраны памятников. Сейчас, по прошествии более двадцати лет, работы Г. Н. Пронина никак нельзя оценить иначе, чем “археологическая халтура”, под маркой головного археологического центра страны.

Начиная с 1972 г. авторы данной статьи в течение ряда лет вели различного рода обследования в районе пос. Любытино, в том числе, в связи с подготовкой документации для организации здесь археологического заповедника.²² Впервые было открыто городище в устье р. Белой и примыкающие к нему селища, селища в дд. Брод и Княжее Село, селище с сетчатой керамикой на берегу Княжесельского озера, ряд сопков и курганов, уточнены и проверены сведения обо всех памятниках долины р. Белой. В группе древнерусских памятников у д. Черезборицы в 1976 г. Е. Н. Носовым проведены раскопки (исследовано 5 курганов с трупоположениями в могильных ямах)²³. Обследования по левому берегу р. Белой были продолжены им в 1987 г. и тогда же впервые были сняты инструментальные планы расположенных здесь археологических древностей²⁴. Одновременно, в 1987 г., В.Я. Конецкий заложил разведочный раскоп на городище в устье р. Белой²⁵.

С 1994 года исследования в окрестностях пос. Любытино проводит Областная археологическая экспедиция Новгородского Государственного университета под руководством В.Я. Конецкого, в составе которой работает отдельный отряд (руководитель А. Ю. Иванов). Целью работ экспедиции является комплексное и планомерное изучение древностей района с ориентацией на предельную сохраняемость исторического ландшафта. Практически это означает, что раскопки носят, прежде всего, охранный характер, т. е. исследуются преимущественно памятники, которым грозит уничтожение в результате хозяйственной или иной деятельности.

За время работы экспедиции исследования проводились на ряде памятников. В 1994 г. было вскрыто 140 кв. м. на поврежденном при проведении дорожных работ позднесредневековом селище, расположенном на восточном берегу Княжесельского озера. Исследованный участок непосредственно примыкал к урезу воды, вследствие чего в прибрежной торфяниковой части хорошо сохранились органические остатки, что является уникальным для сельских средневековых памятников, в том числе - бревна от срубов. Немногочисленные находки представлены фрагментами белоглиняной керамики и предметов хозяйственно-бытового назначения из железа, дерева и глины²⁶. По керамическому материалу и результатам предварительного дендрохронологического анализа памятник датируется концом XVI - нач. XVII вв.

Начиная с 1995 г., постоянным объектом исследований экспедиции становятся погребальные памятники культуры длинных курганов. Всего за прошедший период было раскопано 5 курганов²⁷. Выбор объектов во многом определялся охранными целями. В результате охранных раскопок вдоль дороги Брод-Княжье Село был выявлен ряд грунтовых погребений, расположенных параллельно линии курганов.

В число исследованных погребальных памятников входит так же курган с погребением по обряду трупоположения рубежа XI-XII вв. в могильнике у д. Черезборицы²⁸.

С 1997 г. главным объектом работ с перспективой длительного исследования стало городище у д. Малышево, на котором была вскрыта значительная площадь и произведена прорезка вала. Совокупность полученных данных позволяет поставить вопросы о месте этого городища в системе памятников микрорегиона на рубеже I-II тыс. н. э. и наметить предварительные варианты их решения²⁹.

Важным направлением исследований в долине р. Белой является продолжение выявления новых памятников. За последние годы удалось обнаружить около десятка новых насыпей, принадлежащих культурам сопков и длинных курганов. Так большой интерес представляет скопление одиночных сопков у пос. Шереховичи (с учетом, не сохранившихся до нашего времени, не менее 5), а так же группа сопкообразных насыпей у д. Кремница. Однако наиболее актуальным представляется поиск остатков древних поселений, выявленных в гораздо меньшей степени, чем синхронные им погребальные древности. Принципиальное значение в данном вопросе имеет освоение и внедрение в исследовательскую практику метода фосфатного анализа, которое произошло благодаря длительному (с 1995 г.) сотрудничеству с Университетским колледжем г. Висбю (Швеция). С помощью данной методики удалось обнаружить и установить границы нескольких селищ культур длинных курганов и сопков (Квасильниково, Моровское, Княжье Село, урочище "Мельница" и др.)³⁰.

2. РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ. В культурном отношении древности долины реки Белой не являются однородными. Далее мы предлагаем характеристику памятников этой территории исходя из выделяемых археологических культур и культурно-хронологических пластов. При этом, исходя из конкретных условий рассматриваемого микрорегиона, дается оценка их изученности и определение наиболее перспективных направлений дальнейших исследований.

2.1. Древности раннего железного века. В настоящее время древности раннего железного века на территории Новгородской области изучены крайне недостаточно. Обобщающие работы, за исключением единственной небольшой статьи С. Н. Орлова³¹, отсутствуют. Имеющиеся данные позволяют относить памятники конца I тыс. до н. э. - начала I тыс. н. э. в Приильменье и, конкретно, в Помостье, к кругу древностей, характеризующих текстильной керамикой, и рассматривать их как некий периферийный вариант, связанный, прежде всего, с дьяковской культурой. В первые века н. э. Приильменье, как и западная часть Волго-Окского междуречья, переживает единые культурные процессы, выразившиеся в появлении на данных территориях элементов культуры, имеющих средне- и верхнеднепровское происхождение (керамика типа “среднего слоя Тушемли”, грузики дьякова типа и т. д.)³².

В долине реки Белой в настоящее время известны два селища с сетчатой керамикой. Одно из них находится на берегу Княжесельского озера. Культурный слой памятника сохранился плохо, очевидно он и изначально имел небольшую мощность. Селище исследовалось путем сбора подъемного материала и закладки небольших шурфов, что делает затруднительным более детальную характеристику.

Любопытна топографическая привязка памятника, аналогичная по ситуации, селищам хронологически следующей культуры длинных курганов. Это, в определенной степени является аргументом в пользу близости типа хозяйства этих общностей.

Другое селище расположено в районе Малышевского городища. При раскопках этого памятника отмечены несколько фрагментов сетчатой керамики, хотя комплексы раннего железного века на вскрытой территории, безусловно, отсутствуют. В 2001 г., при прорезке вала городища, была также собрана небольшая коллекция сетчатой и синхронной ей грубой лепной керамики с примесью очень крупной дресвы в тесте. Очевидно, она попала в вал вместе с грунтом, кото-

рый брался с напольной стороны. Таким образом, в настоящее время можно предположительно локализовать остатки селища на участке коренного берега реки Белой, несколько ниже по течению, чем городище. При этом не исключена возможность, что в еще не исследованной западной части площадки городища могут быть выявлены сохранившиеся комплексы раннего железного века.

Ближайшие перспективы в изучении данного пласта памятников видятся в выявлении новых селищ с сетчатой керамикой. Однако, процесс этот крайне сложен, а результаты, чаще всего, могут быть лишь случайными. Данное обстоятельство связано с тем, что в отличие от остатков поселений более позднего периода, селища с сетчатой керамикой не маркированы внешне выделяющимися погребальными памятниками. Поэтому, определяя наиболее перспективные места поиска, следует обращать внимание на топографическую ситуацию. В данной связи, наиболее перспективными для поиска представляются участки коренных берегов реки Белой в местах, где к ним примыкают обширные пойменные террасы, которые могли бы служить кормовой базой для ведения животноводческого хозяйства. Еще один "обходной", но достаточно надежный путь - исследование поселений хронологически последующей культуры длинных курганов. В основании этих селищ, как показывает опыт работ и на Северо-Западе в целом, и, конкретно, в Приильменье, нередко лежат слои раннего железного века.

2.2. Культура длинных курганов (далее КДК). Памятники, связанные с соответствующей культурно-исторической общностью, распространены на обширных пространствах Северо-Запада и при этом характеризуются единством погребального обряда и типов бытового инвентаря. Они появляются с середины-конца V века, расцвет данной общности приходится на третью четверть I тыс. н. э., а верхняя граница весьма расплывчата. Однако, для некоторых пунктов все же можно говорить даже о X в.

Погребальные памятники КДК представлены количественно преобладающими полусферическими насыпями, обычно диаметром до 10-12 м и высотой до 1 м. Более высокие (высотой до 2 м) курганы встречаются достаточно редко. Наряду с полусферическими насыпями в могильниках нередко встречаются и удлиненные валообразные курганы, по которым культура и получила свое название. Их ширина и высота сопоставима с соответствующими размерами полусферических, а длина в несколько раз превышает ширину. Известны насыпи подпрямоугольных в плане очертаний, хотя порой точную картину здесь могут дать лишь раскопки. Вокруг основания курганов часто прослеживаются ровики. Размеры могильников варьируют от единичных насыпей до крупных массивов с числом курганов до сотни и более. При этом две трети всех могильников насчитывают до десятка насыпей.

Наряду с погребениями в курганах, для данной культуры свойственны и бескурганные грунтовые захоронения, спорадически фиксируемые при раскопках, затрагивающих межкурганные пространства.

Могильники КДК располагаются на возвышенных участках, где почвенный покров состоит из песков и легких супесей, чаще всего, занятых сосновыми борами, нередко вдоль существующих до настоящего времени дорог. Расстояние от водоемов, на берегах которых находятся соответствующие могильникам селища, бывает значительным (до 1-1,5 км и более).

В долине реки Белой имеются два крупных могильника КДК, каждый из которых насчитывает до 40 насыпей. Один из них расположен на левом берегу реки Белой, вдоль дороги Малышево-Квасильниково. Особенности рельефа (ложбинами) он разбивается на четыре локальных группы, насчитывающих, соответственно 10, 9, 16 и 2 насыпи, причем для последнего скопления можно с уверенностью говорить, что какое-то количество низких курганов, располагавших-

ся здесь, было уничтожено распашкой. Единство данного комплекса доказывается тем, что все входящие в него группы связаны с одним селищем.

Другой погребальный комплекс находится на противоположном (правом) берегу реки. Он примыкает к Княжесельскому озеру и вытянут вдоль дороги Княжее село - Брод. Поскольку рельеф данного участка достаточно ровный, курганы образуют практически единый массив.

Наличие крупных могильников позволяет поставить вопрос о характере изменения форм курганных насыпей во времени, что имеет значение не только для понимания памятников в долине реки Белой, но и для изучения КДК в целом. Направления, по которым росли могильники, определяется легко, поскольку известны места соответствующих им поселений. Таким образом, древнейшими курганами, безусловно, являются ближайшие к селищам, а наиболее удаленные - самыми поздними. Анализ форм насыпей в обоих могильниках позволяет говорить если не о единой, то, во всяком случае, весьма сходной тенденции развития их во времени³³.

Древнейший этап характеризуется наличием круглых и подпрямоугольных (с отношением длины к ширине не более чем 2:1) в плане насыпей, при высоте от 0,6 до 2-3 м. Отличительной особенностью данной стадии является отсутствие явно выраженных ровиков вокруг основания насыпей.

Следующему, среднему этапу свойственна наибольшая вариативность форм - круглых, подпрямоугольных, а также собственно длинных и круглых плоских насыпей большого диаметра. Высота курганов колеблется в пределах от 0,5 до 2 м. Данная стадия в могильнике у Княжесельского озера знаменуется созданием самой длинной насыпи в ареале-все КДК. Ее длина достигает 165 м.

Поздний этап развития форм насыпей характеризуется присутствием только полусферических курганов, при этом их высота варьирует в широких диапазонах от полуметра до нескольких метров в высоту. Отличительной чертой этих

насыпей является наличие мощных рвов вокруг их оснований, в результате чего памятники воспринимаются более значительными, чем они есть на самом деле. В археологической литературе подобные насыпи часто обозначаются как “боровые сопки”.

В долине реки Белой фиксируется ряд могильников КДК, где представлена лишь данная стадия. Это такие памятники как Моровское, в урочище “Мельница” и др. К сожалению, подобные курганы изучены еще крайне недостаточно не только на рассматриваемой территории, но и на Северо-Западе в целом.

В 1995-1999 гг. экспедицией НовГУ в могильнике Малышево-Квасильниково было исследовано 5 насыпей. Четыре из них находились во втором скоплении и располагались в непосредственной близости друг от друга. Тщательная методика раскопок позволила выявить в ряде из них следы деревянных конструкций, представлявших собой остатки каких-то сооружений типа небольших срубов или вымосток в центральных частях насыпей, а так же квадратных обносков из бревен по периметру. Таким образом, следует признать, что, по крайней мере, часть насыпей, воспринимаемых ныне как полусферические, имела в момент сооружения квадратную в плане форму и представляла собой сложные деревоземляные конструкции³⁴. Значение данных работ определяется тем, что подобные конструкции за последние годы начинают выявляться и на других территориях. Это создает новые перспективы для понимания погребального обряда КДК в целом.

Немногочисленность инвентаря и украшений, найденных в курганах могильника Малышево-Квасильниково не позволяет точно датировать исследованные погребения, которые формально должны быть отнесены ко всему времени бытования данной культуры (т. е. втор. пол. I тыс. н. э.). Несколько особняком в данной связи стоят находки из плоского кургана большого диаметра исследованного в 1995 г. Данная насыпь относится к средней фазе формирования могильника.

Вещевой комплекс из этого кургана включает в себя браслет с расширяющимися, сегментовидными в сечении концами, украшенными орнаментом из двойных перекрещивающихся линий; квадратную накладку от головного венчика с загнутыми противоположными краями и выпуклиной в центре, а так же бляшки скорлупки. Весь этот набор представлен в нижнем ярусе сопки у д. Репьи в Верхнем Полужье³⁵. Однако там, наряду с отмеченными находками, представлены предметы, относящиеся к последним векам I тыс. н. э., что является некоторым основанием для уточнения хронологической позиции исследованного нами кургана. В целом же, дальнейшее изучение насыпей КДК в долине реки Белой могло бы иметь большое значение для построения хронологической шкалы древностей данной культуры в целом, поскольку насыпи в рассматриваемых могильниках имеют относительную хронологию.

И все-таки, наиболее слабым звеном в изучении КДК является существенное отставание в исследовании поселенческих древностей на фоне погребальных. Перспективы изучения остатков поселений данной культуры в долине реки Белой представляются весьма заманчивыми. Прежде всего, здесь известно селище, соответствующее могильнику Малышево-Квасильниково (в комплексе у Княжесельского озера остатки поселения, очевидно, в основном уничтожены в результате хозяйственной деятельности, селище же у деревни Квасильниково, поскольку оно расположено на слабом склоне, в значительной мере перекрыто наносами). Культурный слой там имеет не только хорошую сохранность, но, вероятно, в какой-то мере, и стратифицирован, что обусловлено вышеотмеченной топографической особенностью.

Кроме того, буквально в нескольких сотнях метров от данного памятника, на другом берегу ручья, находится еще одно небольшое селище, составляющее единый комплекс с курганным могильником Моровское, который, как уже упоминалось, принадлежит к поздней стадии существования

КДК. Изучение однослойных памятников узкого хронологического диапазона имеет большое значение для изучения КДК в целом.

В целом, оценивая значение исследования памятников КДК рассматриваемой территории для понимания возможных вариантов хода культурных процессов во втор. пол. I тыс. н. э. на Северо-Западе, подчеркнем следующие моменты. Как уже отмечалось, особенностью долины реки Белой, в отличие от многих иных мест, является длительность проживания здесь носителей культуры КДК. Судя по всему, традиции данного населения отчетливо сохранялись даже в X в., о чем можно судить по формам некоторых предгончарных, или подправленных на круге, сосудов, хранящихся в фондах Любытинского музея.

В настоящее время, имеющаяся совокупность данных позволяет с наибольшей вероятностью считать рассматриваемую культуру принадлежащей в значительной части дославянскому, соответственно финно-угорскому, населению. Таким образом, долина реки Белой предстает зоной длительных межэтнических контактов.

2.3. Культура сопок (далее КС). Данный пласт древностей, характерный для Северо-Запада в конце I тыс. н. э., представлен в долине реки Белой исключительно ярко. Рассматриваемая культура получила свое название от сопок - высоких погребальных насыпей, широко распространенных на территории бассейнов рек, связанных с озером Ильмень, а так же в некоторых смежных районах. Несмотря на более чем вековую историю их изучения, сопки остаются во многом загадочными для исследователя. Данные памятники характеризуются сложным внутренним строением. Для многих насыпей, исследованных за последнее время по современной методике, выявляются индивидуальные особенности. Тем ни менее, можно говорить о ряде общих признаков, позволяющих видеть в сопках определенную историко-культурную целостность.

Кроме внешних общих черт (размеров, формы насыпи, топографической привязки, характера могильников) фиксируемых без раскопок, речь может идти и об определенном внутреннем структурном единстве. В данной связи обращает на себя внимание немногочисленность погребений, на первый взгляд странная для столь гигантских сооружений. При этом погребения тяготеют к верхнему ярусу насыпи. Таким образом, сопки не могут рассматриваться как памятники, содержащие останки всех членов соорудивших их коллективов.

Безусловной особенностью сопок является сложная организация внутреннего пространства (четко выделенные ярусы - обычно три - с нередкими каменными конструкциями на каждом из них, наличие вертикальной оси), что позволяет признать за сопками не только погребальные, но и сакральные функции.

Обычно сопки располагаются в одиночку или небольшими группами (до 3-5 насыпей). Более крупные могильники встречаются крайне редко. На этом фоне долина реки Белой, где на небольшой территории сосредоточено свыше сотни монументальных насыпей, частично объединенных в крупные группы, представляет собой уникальное явление. В один ряд с ним могут быть поставлены буквально единичные скопления сопок, как, например, в окрестностях Старой Ладогои или в районе д. Городище Сандовского района Тверской обл.

Современная характеристика культуры сопок невозможна без определенного дополнительного комментария. Дело в том, что любая археологическая культура представляет собой сложную структуру, состоящую из целого ряда элементов, каждый из которых имеет собственные истоки, динамику роста и механизмы функционирования. При оценке КС, в историографии, вплоть до настоящего времени, нередко имеет место поверхностный подход (выражаемый более или менее явно, а чаще, просто предполагаемый как сам собой

разумеющийся), связывающий данную общность исключительно с сопочным обрядом. На практике это выражается в признании хронологии сопок, датируемых обычно VIII-X в., справедливой и для культуры в целом. Однако объективный анализ данных по сопкам показывает, что насыпи, поддающиеся более-менее точному датированию, в рамках последних столетий I тыс. н. э., относятся к IX-X, либо к X вв. более ранние даты (VIII в.) возможны лишь для нескольких памятников в районе Старой Ладogi, причем и в этом случае некоторые исследователи полагают, что здесь мы имеем дело не с собственно сопками, а с особыми курганами, досыпанными в более поздний период³⁶.

Острота проблемы заключается в том, что культура сопок в современной историографии выступает как первая достоверно славянская культура на Северо-Западе, в связи с чем вопрос о ее нижней границе приобретает принципиальное значение.

В настоящее время получены данные, что хозяйственно-культурный комплекс, свойственный носителям КС, в основе своей фиксируется на ряде памятников Северо-Запада с конца третьей четв. I тыс. н. э., т. е., очевидно, с рубежа VII-VIII - перв. пол. VIII вв. Как именовать этот пласт древностей не имеет принципиального значения. Можно называть его досопочным этапом КС или "предсопочной культурой" - необходимо лишь иметь в виду, что появление в лесной зоне Восточной Европы и, в частности, на Северо-Западе, населения, экономика которого базировалась на пашенном земледелии, может абсолютно логично интерпретироваться, в историческом плане, как результат славянской миграции из более южных районов³⁷.

На рассматриваемой территории наибольший интерес, в рамках досопочной, раннеславянской проблематики, представляет городище, расположенное в устье реки Белой. Культурный слой памятника в значительной мере был поврежден при устройстве парка и строительстве усадьбы. Стационар-

ные раскопки здесь пока не велись. Единственные материалы, происходящие с этого городища, были получены в 1987 г. из разведочного раскопа площадью 24 кв. м. Наличие в составе керамического комплекса форм архаичных на обычном для КС фоне, позволяет предполагать здесь наличие словен, относящихся к эпохе первоначального заселения славянами долины реки Белой.

Следует заметить, что подобная модель освоения славянами новых территорий, когда пришельцы первоначально, еще в досопочный период, закреплялись на городищах, а затем оставляли их и расселялись по ближайшей округе, неоднократно реализовывалась на коренных территориях будущей Новгородской земли, как к западу, так и к востоку от линии Волхов-Ловать³⁸.

Что же касается оценки собственно сопки долины реки Белой, то их понимание возможно лишь на фоне всего пласта этих древностей. В настоящее время наиболее обоснованной представляется точка зрения, согласно которой сопки расцениваются как специфические для Северо-Запада сакрально-погребальные насыпи связанные с верхушкой общества конца I тыс. н. э. Сопки как особый культурно-исторический феномен впервые появляются в зоне интенсивных славяно-скандинавских контактов в районе Старой Ладogi. Исходно, в их основе лежит, перенесенная из Скандинавии идея социально престижных сакральных курганов, получившая новое развитие на славянской почве³⁹.

Ладожские сопки, ставшие местами захоронения представителей новых социальных групп, как указывали еще исследователи конца XIX в., дали начало одной из традиций возведения на Руси дружинных курганов. Они же, как престижные памятники, сакральные объекты, были восприняты сельской общинной верхушкой славян в Приильменье. В X в. сопочный обряд распространяется на обширных пространствах Северо-Запада в районах, составивших позднее коренную территорию Новгородской земли.

Вместе с тем, очевидно, следует согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что в отдельных случаях происходит определенная десакрализация сопочного обряда, т. е. эволюция от “языческих храмов” к памятникам с преобладающими погребальными функциями⁴⁰. Археологически это находит выражение в появлении крупных сопочных могильников, где присутствуют насыпи меньших размеров с более простой конструкцией. На языке истории данный процесс может быть описан как восприятие обычая сооружения монументальных насыпей не только единичными лидерами соответствующих социальных структур, но и верхушкой общества в целом. Вышесказанное, безусловно, актуально для рассматриваемой территории, где, как уже говорилось, имеются необычайно крупные сопочные могильники.

Существующий на настоящий момент объем информации, полученный при исследовании сопки долины реки Белой, к сожалению, весьма невелик. Собственно говоря, планомерные научные раскопки этих памятников до настоящего времени не проводились и коллекции находок конца I тыс. н. э., происходящие из сопки Любытинской округи и хранящиеся в Государственном Эрмитаже, Новгородском, Любытинском и Боровичском музеях, сформировались либо в результате случайных земляных работ, либо были получены при непрофессиональных раскопках предпринимавшихся в 30-50-е гг. XX в. учителями Любытинской школы с целью пополнения фондов музея. Естественно, что какая-либо документация при этом полностью отсутствует. В отдельных случаях можно говорить о более-менее целостных комплексах, но привязка их к конкретным памятникам невозможна. Состав инвентаря из этих коллекций, в целом, свойствен сопкам. Он характеризуется незначительным объемом, немногочисленностью типов, к тому же многие предметы из цветных металлов и стекла (бусы) утратили первоначальную форму и не пригодны для типологического анализа. Наибо-

лее частой находкой являются железные ножи разных типов, в том числе представлен, выделяющийся размерами, экземпляр боевого кинжала или жертвенного орудия. Среди женских украшений встречаются бронзовые спирали-“накосники”, перстнеобразные височные кольца, стеклянные бусы. Коллекция глиняной посуды представлена почти двумя десятками лепных горшков, а так же одним раннегончарным сосудом, использованным в качестве погребальной урны. В качестве уникальной находки отметим фрагмент кольчужного плетения (остатки кольчуги?), найденные в сопке в урочище “Кузница”, что, по мнению А. Н. Кирпичникова, является самой древней находкой такого рода на территории Восточной Европы⁴¹. Здесь же можно упомянуть накладку от пояса, имеющую раннесалтовские аналогии⁴².

Единственный случай, когда мы располагаем хоть какой-то информацией об устройстве сопок, связан с работами Н.Е. Бранденбурга в 1888 г. Эти материалы остались неопубликованными, графическая документация не сохранилась, либо отсутствовала изначально. Пропали и сами находки. Тем не менее, анализируя текст отчета, можно сделать некоторые выводы.

Раскопкам были подвергнуты три насыпи в урочище “Пробужа”. Во всех случаях, верхние их части копались на снос, а нижние просто перерезались траншеей, поэтому объективно можно судить лишь о первых. Сопки были аналогичны по устройству, но наиболее выразительные материалы были получены в насыпи № 1. На ее вершине, почти сразу под дерном, было найдено 9 урновых погребений по обряду кремации, 7 из которых сопровождалось вещевым инвентарем. Из числа последних, в пяти присутствовали женские украшения. Основным было мужское погребение. В описании сопровождавшего его инвентаря опознаются поясной набор, ледоходные шипы, железное навершие плети и нож. Данный вещевой комплекс является уникальным по совокупности находок, каждая из которых, так или иначе, соотно-

сится с высшей социальной (формально можно сказать - дружинной) средой, с присущим последней определенным скандинавским культурным контекстом.

Половой состав погребенных в данной сопке не отражает нормальной демографической ситуации. Кроме того, имеет место жесткие различия в имущественном, а следовательно и социальном, статусе погребенных (наличие наряду с основным богатым и безинвентарных погребений). Все это позволяет интерпретировать, по крайней мере, часть погребений (это относится как к безинвентарным погребениям, так и к части малоинвентарных), как сопровождающие, дополнительные для основного. Подобная тенденция, хотя и в ослабленном виде, справедлива и для двух других сопок. Все это в полной мере соотносится с рассмотренной выше социальной интерпретацией сопочного погребального обряда.

При оценке общей социальной ситуации в долине реки Белой уже более десяти лет назад было высказано мнение, что фиксируемая здесь концентрация памятников КС не может быть связана лишь с благоприятными естественно-географическими условиями, а отражает становление местного центра, опирающегося на экономический потенциал гораздо более обширной территории⁴³. Иначе говоря, была выдвинута гипотеза о существовании здесь некоей прото-государственной структуры.

За прошедший период были сделаны некоторые наблюдения, позволяющие конкретизировать данное положение. Так, вызывает сомнение, предполагавшееся раннее наличие в данном микрорегионе общего поселенческого центра (в виде городища) к которому бы тяготели крупные сопочные могильники. Из имеющихся в долине реки Белой укрепленных поселений Малышевское городище, как будет показано далее, возникает в иной исторической ситуации. Что же касается уже упоминавшегося городища в устье реки Белой, наличие здесь соответствующих материалов конца I тыс. н. э. нуждается в дополнительном обосновании. И, кроме того,

уже в самой последнее время были выявлены селища соответствующие крупнейшим группам сопок в урочищах “Попова Бориха”, “Козино” и “Пробужа”.

Для характеристики социальной структуры, центром которой была долина Белой, представляется важным тот факт, что соответствующее среднемстинское скопление сопок с обоих концов “запирается” городищами. Одно из них располагается у бывшей деревни Наволок (примерно в 20 км от Любытино вниз по течению Мсты), другое - у д. Городок (в 8 км вверх по течению).

Отсутствие на вышеупомянутых памятниках четко выраженного культурного слоя при безусловном наличии лепной керамики, свидетельствует об использовании их в конце I тыс. н. э. Расположение городищ на участках неудобных для ведения хозяйственной деятельности заставляют предполагать, что их функции были, прежде всего, контрольными и оборонительными. Из этого следует вывод, что “местное княжение” с центром в долине реки Белой обладало достаточно высоким экономическим потенциалом и степенью организации власти, чтобы охранять и защищать свои рубежи.

Дальнейшие раскопки памятников конца I тыс. н. э., могущие проиллюстрировать развитие КС, представляют для долины Белой особый интерес, поскольку, как уже говорилось, значение этих выводов отнюдь не ограничивается пределами данного микрорегиона. На данный момент, наиболее актуальными направлениями изучения социальных структур славянского населения Северо-Запада рубежа I-II тыс. н. э., его этнических и культурных связей, является исследование поселенческих древностей. В качестве первоочередных объектов такого рода следует считать уже упоминавшиеся селища между пос. Любытино и д. Николаевка, открытые осенью 2001 г. Раскопки собственно сопок на ближайшие годы явно отодвигаются на второй план. Помимо сугубо исследовательских факторов это обуславливает-

ся необходимостью сохранения монументальных сопочных насыпей как важнейшего элемента исторического ландшафта. Для долины реки Белой его сохранение является важнейшей общественной и культурной задачей, значение которой подчеркивается фактом создания здесь археологического заповедника. Тем не менее, возможности изучения сопок, причем не в ущерб заповеднику, а, наоборот, с учетом его интересов все же существуют. На ряде памятников, имеющих плохую сохранность, в результате тех или иных разрушений, не только возможны, но и желательны охранные раскопки с последующей реконструкцией первоначальных форм насыпи. Подобное археологическое моделирование, кроме ландшафтообразующих последствий, представляет интерес и в научном плане, поскольку позволяет более наглядно представить экономический потенциал и материальные возможности изучаемого общества. Наиболее привлекательными памятниками, нуждающимися в доисследовании, являются насыпи, которые копал Н. Е. Бранденбург. Останцы этих сопок хорошо опознаются в соответствующих могильниках и их раскопки на снос (с последующим восстановлением), безусловно, добавят новую информацию к интереснейшим данным, полученным в 80-е гг. XIX в.

2.4. Древнерусские памятники. Следующий по времени пласт древностей в долине реки Белой соотносится с древнерусским периодом. Использованию термина “древнерусская культура” в системе понятий славяно-русской археологии присущи некоторые особенности, на которых необходимо остановится для ясности дальнейшего изложения. Чаще всего для Северо-Запада хронологические границы этого понятия обозначаются как XI-XII или XI-XIII вв., но при этом подразумевается, что речь идет главным образом о домонгольском периоде. Нижний рубеж (XI в.) при таком подходе означает, естественно с известной степенью приближенности, начало массового распространения новых явлений, отмечающих культурную специфику данного периода. С фор-

мально-типологической точки зрения речь может идти о смене погребального обряда (замене кремаций на ингумации), переходе от лепной керамики к гончарной, сложении нового типа женского убора и т. д.

Наряду с этим, возможно (и оно существует) более широкое толкование древнерусской культуры, в ее археологическом выражении, как производной от раннегородских центров, в которых она и формировалась, представляя собой сплав различных по происхождению элементов. Но поскольку сложение раннегородских центров, так или иначе, связано с установлением государственности, то, в этом случае, нижняя хронологическая граница древнерусской культуры должна быть опущена с включением в нее, по крайней мере, X в. На самом деле, оба указанных подхода не являются взаимоисключающими, поскольку установить четкий рубеж в динамично протекающем сложном и многогранном процессе невозможно. К тому же, по целому ряду параметров, древнерусская культура Северо-Запада является продолжением культуры сопок, что позволяет некоторым исследователям определять последнюю как “преддревнерусскую”, имея в виду не только хронологические, но и генетические аспекты⁴⁴.

Вместе с тем, невозможно оспорить факт, что степень влияния новых социокультурных импульсов в разных случаях будет различной. Это, в свою очередь, предполагает возможность сосуществования, в течение какого-то периода, памятников, которые можно отнести к разным культурным традициям.

Исходя из вышеизложенного, мы включаем в число древнерусских памятников долины реки Белой комплекс памятников у д. Малышево, отразивший процесс огосударствления данной территории, хотя оно, по всей видимости, и синхронно целому ряду комплексов упоминавшихся ранее при рассмотрении культуры сопок.

В состав Малышевского комплекса входят городище, селище, примыкающее к нему с напольной стороны и остат-

ки могильника с курганными захоронениями по обряду кремации и ингумации.

Городище располагается на отроге коренного берега реки Белой и защищено, с напольной стороны, дугообразным валом длиной 85 и высотой до 3 и более метров. Размеры площадки городища составляют 65 x 75-90 м. Культурный слой на памятнике незначителен. На большей части площадки он уничтожен распашкой. Лишь на отдельных участках, прежде всего ближе к валу, непо потревоженные напластования составляют 0,1-0,15 м. С 1997 г. городище стало основным объектом работ Областной археологической экспедиции НовГУ. За прошедший период на памятнике была исследована площадь более 800 кв. м. и произведена прорезка вала. Раскопки показали, что постройки и иные сооружения располагались на площадке городища неравномерно. В центральной его части какие-либо материковые ямы отсутствовали, а вся застройка тяготела к предвальной зоне. Незначительный культурный слой, отложившийся в течение небольшого промежутка времени, обусловил и малое количество находок, представленных, прежде всего, предметами, связанными с хозяйственно-ремесленными и, видимо, военными занятиями - ножами, фрагментами тиглей, кресалом, а так же наконечником дротика и обломком лезвия топора. Среди женских украшений - стеклянные бусы разных типов и спиральный перстень. Керамика, относящаяся ко времени функционирования городища, почти исключительно лепная и принадлежит к обычным для Северо-Запада типам. Фрагменты раннегончарных сосудов буквально единичны.

При характеристике хозяйственной деятельности и социального облика обитателей городища интересен факт отсутствия глиняных пряслиц, составляющих при раскопках поселений весьма массовую категорию находок. На Малышевском городище найден лишь один фрагмент шиферного (?) пряслица - находка для этого времени достаточно редкая.

Время отложения культурного слоя на городище, исходя из количественного соотношения лепной и гончарной керамики, а так же типов бус, должно быть определено в рамках X в., ближе к его середине. При этом, незначительность культурных отложений говорит о непродолжительном, возможно, лишь в несколько десятков лет, периоде его заселения.

Прорезка вала городища показала наличие здесь в древности мощных фортификаций, представляющих собой сложную деревоземляную конструкцию, принадлежащую к типу так называемых жилых клетей. Укрепления Малышевского городища были воздвигнуты единовременно, какие-либо следы их этапных перестроек отсутствуют. Деревянные стены погибли в большом пожаре, причем следы горения прослежены не только в траншее, перерезавшей вал, но, так же, на двух участках раскопа, наиболее приближенных к основанию вала. Попутно заметим, что этот пожар, видимо, не был связан со штурмом. Каких-либо следов последнего в материалах раскопа пока не отмечено.

Отсутствие этапности в “жизни” укреплений и факт их гибели в пожаре позволяют считать, что они существовали в течение сравнительно небольшого отрезка времени, меньшего, чем потребовалось бы для гниения древесины, соприкасающейся с грунтом, т. е., как представляется, не более нескольких десятков лет.

Весьма важно выяснение хронологического соотношения времени начала селитьбы на Малышевском комплексе, и момента сооружения укреплений, поскольку от этого зависит историческая интерпретация данного исторического комплекса. Теоретически, здесь возможны два варианта ответа: либо деревоземляная стена охватила ранее существовавшее поселение (или отрезала его часть), либо строительство фортификаций стало начальным и ключевым моментом в возникновении данной поселенческой структуры. Имеющиеся данные заставляют однозначно принять последний вариант.

Для площадки городища, как уже говорилось, свойственна весьма своеобразная система застройки: наличие свободного пространства в центре при одновременном тяготении существовавших сооружений к предвальной зоне. Подобная картина нелогична для открытых поселений и, вместе с тем, имеет аналогии именно на городищах. Признание сооружения укреплений первичным, по отношению к застройке площадки, автоматически решает вопрос о хронологической позиции селища. Поскольку вал отрезал для него ближайшие подходы к воде, что ни могло не вызвать определенные неудобства для жизни, оно возникает либо одновременно с городищем, либо несколько позднее. К этому следует добавить, что, до строительства укреплений Малышевского городища, территория по левому берегу реки Белой была вообще не занята населением, оставившим памятники культуры сопок.

Итак, городище у д. Малышево возникает как поселение с изначально заданными оборонительными функциями. Расположение его в стороне от плотно заселенной зоны затрудняет его интерпретация как городища-убежища для местного населения. Данный участок коренного берега реки Белой не обладает сколь либо значимыми топографическими преимуществами для строительства укреплений. Поэтому, весьма вероятно, что фактор незанятости территории играл в этом выборе важнейшую роль. Вместе с тем, возведение столь мощных фортификаций заставляет предполагать достаточно серьезную причину возникновения этого памятника.

Думается, что единственным возможным объяснением данного феномена является увязка его с серьезными событиями, происходившими в Новгородской земле в сер. X в.

Из древнейших русских летописей явствует, что в 946 г. (I Новгородская летопись)⁴⁵ или в 947 г. (ПВЛ) княгиня Ольга совершила походы на Мсту и Лугу с целью установления "погостов и даней". В современной историографии эти события часто трактуются как важный этап в сложении государственной территории Новгородской земли и включения про-

живавшего в Помостье населения в орбиту новгородской, а, опосредованно, и центральной государственной власти. Главной целью похода на Мсту, безусловно, являлся район реки Белой, где, как было показано выше, в X в. формируется мощный центр, ставший препятствием для Новгорода в распространении его власти на Восток. Все это позволяет видеть в Малышевском городище опорный пункт, созданный княгиней Ольгой для контроля над данной территорией.

Как уже упоминалось, в состав Малышевского комплекса входит и селище. Оно примыкает к городищу с юга и вытянуто по линии запад-восток. С запада селище ограничено оврагом, с востока - коренным берегом реки Белой, а с юга - небольшим естественным уступом. Его размеры 70-100 x 400 м. Культурный слой памятника поврежден долговременной распашкой. При этом его интенсивность неоднородна - на пашне выделяются отдельные более гумусированные участки, очевидно соответствующие древним усадьбам. Поселенческая зона продолжается и далее к западу, за овраг, где перепаханный культурный слой фиксируется на пространстве 60 x 200 м. вдоль коренного берега реки.

К югу от поселенческой зоны расположены остатки могильника, состоящего, в настоящее время из 4-х сопкообразных насыпей, разбросанных на расстоянии до 0,5 км между крайними памятниками, и сохранившейся части древнерусского курганного могильника XI-XII вв., в котором фиксировалось до полутора десятков насыпей. Характер топографии данного участка позволяет предполагать, что до настоящего времени дошла лишь малая часть крупного погребального комплекса. Подтверждением этому служат неоднократные находки кальцинированных костей на пашне к западу от ближайших к городищу насыпей.

Раскопками до сих пор были затронуты лишь курганы с погребениями по обряду ингумации. В 1976 г. пять таких памятников было исследовано экспедицией ЛОИА⁴⁶, еще один, в 1995 г., - экспедицией НовГУ⁴⁷. Внешне они пред-

ставляли собой насыпи высотой 0,7-1,3 м. при диаметре 5-7 м. Вокруг оснований прослеживались ровики, иногда прерывистые, в виде отдельных ям. Курганы располагались достаточно кучно, так, что, порой, рвы соседних насыпей налегали один на другой.

Характерной особенностью таких курганов является наличие больших подкурганных могильных ям, достигающих почти 3 метров в длину, более 1,5 м в ширину, при глубине до 1 и более м. Из погребений, исследованных Е. Н. Носовым происходят находки не относящиеся к кругу богатых захоронений. Это височные кольца, бусы, поясная цепочка, фибула, браслеты, железные ножи. В ногах погребенных находились гончарные сосуды. Погребение, раскопанное в 1995 г., представляло собой останки девочки-подростка с достаточно представительным для данной возрастной категории набором вещей.

Данный тип курганов хорошо известен на территориях к востоку от Новгорода. Ближайшей аналогией Малышевскому могильнику выступает Дрегельский, расположенный примерно в 70 км к северу. Сходство названных памятников касается не только характеристики курганов с ингумациями, но и присутствием в составе могильников более ранних сопкообразных насыпей. Однако, в отличие от Малышевского, в Дрегельском могильнике в начале XX в. удалось зафиксировать наличие примерно сотни курганов, хотя и здесь большая их часть впоследствии оказалась уничтоженной⁴⁸. Говоря о древнерусских курганах в центральных районах Новгородской земли и, прежде всего, восточнее оз. Ильмень, следует напомнить, что обычай сооружения погребальных насыпей здесь далеко не являлся повсеместным, уступая ведущую роль бескурганым формам захоронений (в зависимости от природных условий - грунтовым могильникам или жальникам). Данная традиция генетически восходит к погребальному обряду носителей КС, в которой захоронения основной массы населения являлись бескурганными⁴⁹. Древнерусский курганный обряд на

указанных территориях возникает либо как наследие населения принадлежащего КДК (в этом случае речь может идти лишь о немногочисленных изолятах), либо в связи с дружинной (т. е. опосредованно скандинавской) традицией. Последний вариант представлен и в Малышевском могильнике.

Другой заметный памятник древнерусского периода - поселение близ устья реки Белой по обеим ее сторонам. Зона распространения раннегончарной керамики с линейно-волнистым орнаментом охватывает здесь обширные пространства. К югу от городища подобные находки отмечались по берегу Мсты на протяжении 150 м. Ниже устья Белой они зафиксированы на пространстве 50 x 250 м. к сожалению, отсутствие регулярных шурфовок не позволяет детализировать данные ни о колебании мощности культурного слоя, ни о характере находок. Что касается последних, то здесь можно указать лишь на шиферное пряслице и цилиндрический железный замок, найденные во время строительства моста через реку Мсту.

Хотя оценка домонгольских культурных напластований на территории пос. Любытино нуждается в уточнении, но уже сейчас очевидно, что поселение в районе устья реки Белой было весьма значительным. Судя по всему, уже в рамках означенного периода оно становится, по сравнению с Малышевским комплексом, доминирующим в демографическом и, вероятно, социальном отношениях. Поэтому именно здесь возникает Прокопьевский погост, известный позднее по писцовым книгам.

О древнерусских поселениях более низкого ранга известно пока немного. Один из бесспорных памятников такого рода был открыт А. Ю. Ивановым близ деревни Княжье Село на правом берегу Нетицкого ручья. Селище находится на пологом склоне и, поэтому, было перекрыто мощным наносом. При шурфовке было собрано несколько десятков фрагментов домонгольской керамики, что характеризует интенсивность жизни на данном участке.

Отдельные фрагменты раннегончарных горшков фиксировались на селищах при сопках, однако, ответить на вопрос являются ли эти черепки синхронными сопкам, или жизнь на соответствующих поселениях продолжалась и позднее, без дополнительных изысканий невозможно.

Из вышеизложенного следует, что древнерусский этап в истории долины реки Белой еще изучен весьма слабо. Этим и определяются желательные объемы и направления дальнейших исследований.

Прежде всего, безусловно, необходимо продолжение работ, связанных с важнейшей темой данного периода - становлением государственной власти на рассматриваемой территории, как переломного момента ее истории. Решение данной задачи возможно путем продолжения исследований Малышевского комплекса памятников. В первую очередь, необходимы полные раскопки городища. Данные работы позволят дать обоснованную реконструкцию социального и культурного облика проживавшего здесь коллектива (количественные показатели, специфику деятельности, сочетание различных культурных традиций). Однако, достоверная оценка места и роли данного образования в системе социальных и экономических связей, и в рамках долины реки Белой и в более широком контексте, возможна лишь при условии исследования примыкающих к городищу селища и могильника.

Относительно последнего, подчеркнем первоочередную необходимость проведения охранных раскопок больших курганов, которые, в настоящее время, подвергаются интенсивному разрушению, с непременным последующим воссозданием первоначальных форм насыпей.

Представляется актуальным определение границ распространения средневекового культурного слоя на территории поселка Любытино с обоснованием хронологической дифференциации отдельных участков. Помимо научного интереса, данная работа имеет большое практическое значение

для сохранения древнего культурного слоя при регулировании процесса застройки.

Необходимость дополнительных и тщательных археологических изысканий на территории д. Княжье Село и в ее округе, на предмет выявления древнерусских памятников, стимулируется характером данного топонима. Как показал Л.В. Алексеев на примере северной части Смоленской земли, названия, производные от “князь”, связаны с местами размещения княжеской администрации в тех районах, где не было городских центров⁵⁰. Любопытно, что подобное же название (“Княжья Гора”) имеется и на р. Луге, в районе Передольского погоста - безусловного археологического центра данной территории. Напомним, что “Луга”, как и “Мста”, в 947 г. явилась одной из целей похода княгини Ольги. Таким образом, не исключено, что название Княжье Село восходит к “ольгинским” временам, являясь еще одним знаком внедрения государственной власти в среду населения Помостья.

В целом же, система сельского расселения долины реки Белой в древнерусскую эпоху изучена еще недостаточно, и пока складывается впечатление, что заселенность этой территории в это время была более слабой, сравнительно с предшествующим и последующим периодами. Впрочем, это вовсе не означает затухания поселения в устье реки Белой. Упоминание в Уставе новгородского князя Всеволода Мстиславича Помостья, как особой территориальной единицы⁵¹, косвенно свидетельствует о существовании издревле сложившейся системы связей внутри этой области, которая, как свидетельствуют археологические памятники, замыкалась на Бельский комплекс.

2.5. Позднесредневековые памятники. В данную совокупность мы включаем древности XIV- нач. XVII вв. Нижняя граница памятников при этом определяется началом процесса, имевшего большое значение для истории Северо-Запада - широкой внутренней земледельческой колонизации, приведшей к существенному увеличению освоенных территорий.

Это стало возможным в связи со становлением трехпольной системы земледелия, позволившей вводить в устойчивый сельскохозяйственный оборот участки с менее плодородными почвами. В результате этого процесса формируется, лежащая в основе современной, система расселения, зафиксированная в конце XV в. писцовыми книгами. Археологическим выражением этого процесса является наличие многочисленных селищ с белоглиняной керамикой, многие из которых находятся на территории современных деревень. Памятники данного периода крайне редко становятся объектом целенаправленных археологических исследований, особенно раскопок. Следствием этого является отсутствие сколько-либо заметных разработок по типологии и хронологии позднесредневековой сельской керамики Северо-Запада. Это, в свою очередь, осложняет датировку селищ, открываемых при разведках. Еще одно обстоятельство, затрудняющее массовое выявление остатков поселений этого времени, связано с тем, что с началом широкого использования навоза в качестве удобрения, вместе с ним на поля попадали и фрагменты керамики. Данное явление могло иметь достаточно массовый характер. В качестве примера, укажем на все то же Малышевское городище, на котором, при раскопках в пахотном слое, было найдено несколько сотен фрагментов позднесредневековых сосудов. Самые ранние из них датируются концом XIII - XIV вв., что может быть небезынтересно для историков-аграрников. Правда, на названном памятнике, очевидно, сложилась особая ситуация. Наличие гумусированного слоя и особого микроклимата, обусловленного размерами вала, защищавшего площадку городища от холодных ветров, сделали ее особенно привлекательной для выращивания огородных культур, требующих интенсивного навозного удобрения. Разумеется, на участках использовавшихся под пашню данное явление будет выражено гораздо слабее, но, тем ни менее, его следует учитывать при составлении археологической карты рассматриваемого периода.

Пока же мы располагаем материалами лишь одного позднесредневекового селища - на берегу Княжесельского озера, где в 1994 г. был заложен раскоп общей площадью 140 кв. м. Особенностью данного памятника является наличие в его прибрежной части сохранившейся органики. В древности здесь располагалась хозяйственная зона. При раскопках были зафиксированы остатки жилых и хозяйственных сооружений, различные бытовые предметы. Определенный интерес представляют развалы тонких деревянных колотых пластин, длиной около 2,5 м, являющихся остатками приспособлений для закольного лова рыбы - так называемых "котцов".

По керамическим материалам поселение может быть датировано XVI в., предварительная дендрохронологическая дата - рубеж XVI-XVII вв.

Экономическое развитие рассматриваемой территории и Среднего Помостья в целом в XIV-XVI вв. привело к тому, что в районе устья реки Белой складываются центры сразу трех погостов, упоминаемых в писцовых книгах - Прокопьевского и Богородицкого на Белой, находившихся на правом берегу Мсты и относившихся в Бежецкой пятине, а так же Бельского погоста напротив устья Белой на левом берегу Мсты, относившегося к Деревской пятине⁵². Здесь же была сооружена одна из древнейших каменных церквей в сельских погостах Новгородской земли - церковь Прокопия в Прокопьевском погосте на Белой, построенная в 1443 г.⁵³ В XV-XVI вв. в устье Белой находится один из наиболее значительных на реке Мсте рядков (торгово-ремесленных поселков). Небольшой рядок был также и в Шереховичах⁵⁴. Последнее обстоятельство лишний раз подчеркивает высокую степень хозяйственного развития долины реки Белой, поскольку Шереховичи находятся на сравнительно небольшом расстоянии (около 15 км) от ее устья. Возникновение здесь отдельного рядка, расположенного, к тому же, не на Мсте - основной торгово-транспортной артерии района, указывает на наличие весомых местных экономических факторов.

Актуальные направления дальнейшего археологического изучения позднесредневековых памятников рассматриваемого района определяются вышесказанным. Безусловно, продолжения раскопок требует селище у Княжесельского озера. Проведенные работы показали их большую перспективность. До сих пор позднесредневековые селища, содержащие органику, на Северо-Западе практически не исследовались. Вместе с тем, изучение подобных памятников может дать важную информацию по целому ряду актуальных вопросов. В их числе - планировка рядовой сельской усадьбы позднесредневекового периода, архитектура жилища и хозяйственных построек и многие другие стороны культуры и быта русского крестьянства. Особенно важно, что поздняя дата памятника позволит более тесно, чем это было возможно ранее, сомкнуть археологические данные с этнографическими.

В качестве специального археологического аспекта выделим возможность создания узко датированного при помощи дендрохронологии "культурного среза", включающего в себя, прежде всего, набор керамических форм, а так же другие категории находок. Еще раз подчеркнем, что, в настоящее время, универсальная хронологическая шкала позднесредневековой керамики Северо-Запада, особенно для сельских памятников, остается практически не разработанной. При этом наличие локальных особенностей позднесредневековой керамической традиции, даже в рамках отдельных городских центров⁵⁵, ставит под сомнение возможность создания такой шкалы. Таким образом, Княжесельское селище предоставляет уникальную возможность для изучения местной керамики.

Добавим к этому, что, известный для XIX- нач. XX вв., в районе Княжьего Села, кустарный керамический промысел, снабжавший своей продукцией весьма обширную округу, вполне вероятно может иметь корни уходящие в позднесредневековую эпоху.

Изучение особенностей местной позднесредневековой керамической традиции позволит обеспечить более высокий, чем это возможно в настоящее время, уровень хронологической дифференциации памятников на археологической карте долины р. Белой XIV-XVI вв. Вообще, изучение позднесредневековых памятников Северо-Запада представляет особый интерес, потому что, для периода с конца XV в., а, ретроспективно, и с несколько более раннего времени, возможен синтез археологических и письменных источников (Писцовых книг).

Возможность более точных датировок по керамике создаст новые условия и при изучении позднесредневекового культурного слоя на территории пос. Любытино. Как и для предшествующего периода. Первоочередной задачей здесь является определение границ зоны селитьбы посредством сбора подъемного материала и шурфовок. В качестве частной, но, тем ни менее, достаточно важной цели, назовем локализацию остатков церкви Прокопия по находкам фрагментов соответствующих строительных материалов.

2.6. Памятники эпохи Смутного времени. Применительно к древностям долины р. Белой можно выделить еще один краткий, но весьма важный для этих мест, период - начало XVII в., связанное с польско-шведской интервенцией, именуемое обычно Смутным временем. В 1613 г. Среднее Помостье стало ареной столкновения шведских войск и московских отрядов, которые пробивались к Тихвину с целью снять осаду с Тихвинского монастыря. Одна из древних дорог на Тихвин, ответвлявшаяся от Московского тракта в Крестцах, проходила как раз через современное Любытино. В письменных источниках, и отечественных и шведских, упоминается военные действия в долине реки Белой⁵⁶.

Археологическим отражением этих событий являются случайные находки оружия и доспехов, происходящие с рассматриваемой территории. Так на правом берегу Белой на поле у д. Брод было найдено копье-рогатина⁵⁷. По мнению

А.Н. Кирпичникова, подобные копья бытовали в XVI-XVII вв. В подвале церкви села Шереховичи была обнаружена кольчуга, хранящаяся в настоящее время в Боровичском музее. В 4 км от пос. Любытино, на обочине дороги Брод-Княжье Село, были найдены два чугунных пушечных ядра. Интересно, что место их находки располагается в непосредственной близости от упоминавшегося ранее селища на Княжесельском озере. Отметим еще одно любопытное обстоятельство, связанное с этим местом. Во время проведения работ на дороге Брод-Княжье Село, в нескольких десятках метров от поселения, были обнаружены остатки захоронений по обряду ингумации в могильных ямах. Судя по степени сохранности костей, эти останки вполне могут относиться к XVII в. Любопытно местоположение захоронений - в непосредственной близости от языческого курганного могильника (VI-VIII вв.). Для христиан языческие могилы - сопки, курганы - считались местами "погаными", где хоронили самоубийц, мертворожденных, инородцев. Погребение в этом месте убитых шведских войнов местным населением было бы вполне логичным. С другой стороны, не исключено, что в экстраординарных условиях, здесь могли быть похоронены и погибшие жители вышеупомянутого населения.

Итак, исходя из вышесказанного, нельзя не признать, что сохранившийся до настоящего времени комплекс археологических памятников в окрестностях поселка Любытино представляет собой уникальное историко-культурное явление. Значение его, причем не только научное, но и общественное, отнюдь не ограничивается местными рамками, но должно расцениваться, в известной мере, в республиканском, национальном масштабе. Поэтому, перед специалистами - историками и археологами, органами государственной и местной власти, широкой общественностью, стоит единая, хотя и многогранная задача. Она заключается в создании условий для сохранения и изучения памятников прошлого,

превращении их в действенное средство патриотического воспитания населения.

---

¹ Основные положения данной работы приведены в статье: Конечкий В. Я., Носов Е. Н. К вопросу о сложении административных центров конца I тыс. н. э. в восточных районах Новгородской земли. // Славяно-русские древности. Вып. 3. Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб., 1995. С. 29-54.

² Развитие и преобразование географической Среды. По материалам Новгородской области. Вып. 2. / Под ред. В. П. Нехайчика, А. А. Барышева, В. С. Жекулина. Л., 1975. С. 60; Жекулин В. С. Историческая география: предмет и методы. Л., 1982. С. 201-203.

³ Коленский В. Н. Раскопки курганов в Новгородской губернии, Боровичском уезде, близ д. Пробужа. // РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 334. Л. 27-35.

⁴ Еникеев Н. Н. Доисторические сопки или курганы в Боровичском уезде. / Архив Новгородского музея. Д. 6102.

⁵ Аничков И. С. Обзор помещичьих усадеб Новгородской губернии. // Труды XV АС в Новгороде. Новгород, 1911. Т. II. М., 1916. С. 160-161, 194-197.

⁶ Романцев И. С. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород, 1911. С. 2 - 15.

⁷ С. Белое. Журнал 27-го заседания 30 апреля 1912 года. // Сборник Новгородского общества любителей древности. Т. 6. Новгород, 1912. С. 47.

⁸ О присылке разными лицами монет и вещей на рассмотрение Археологической комиссии. // Архив ИИМК РАН. 1912. Д. 5.

⁹ Отчет Археологической комиссии за 1912 г. Пг., 1916. С. 77-78. Рис. 86, 87. - Часть предметов из грабительских раскопок издана также Я. В. Станкевич в 1950 г. (см.: Станкевич Я. В. Керамика нижних слоев Старой Ладogi. // СА. Т. XIV. 1950. С. 200-201 (рис. 5: 1-7).

¹⁰ Гос. Эрмитаж. Фонды ОИПК. № 852/1-39.

¹¹ Отчет о палеонтологическом маршрутном обследовании в Боровичском округе, произведенном сотрудником этнографического отдела Русского музея В. С. Адриановым в 1928 г. // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1928 г. Д. 107; Материалы по учету археологических памятников Ленинградской области. Боровичский округ. // Там же. Ф. 2, 1931. Д. 57, 58, 59.

¹² Чернягин Н. Н. Длинные курганы и сопки. // МИА № 6. М.; Л., 1941. С. 124. № 392-395.

¹³ Успенская А. В., Фехнер М. В. Указатель к карте "Поселения и курганные могильники Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X-XIII вв." // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. (ТГИМ, Вып. 32). М., 1956. № 286, 288-293.

¹⁴ Архив Новгородского музея. Паспорта на памятники археологии (1949 г.).

¹⁵ Новгородский музей. Ф. № 10696-10703, 10762-10764.

¹⁶ Архив Новгородского музея: Орлов С. Н. Краткий отчет о поездке в Любытинский район по обследованию исторических и археологических памятников с 1 по 5 августа 1959 г. 5 с.; Паспорта на памятники археологии (начало 1960-х годов).

¹⁷ Архив Новгородского музея. Паспорта на памятники археологии (начало 1960-х годов).

¹⁸ Куза А. В. Отчет о работах Любытинского отряда Новгородской археологической экспедиции в мае-июне 1965 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. 1965. Д. 4533.

¹⁹ Седов В. В. 1) Новгородские сопки. // САИ. Вып. Е1-8. М., 1970. С.41-42. № 245-257, 260; 2) Длинные курганы кривичей. // САИ. Вып. Е1-8. М., 1974. С. 53, № 225,226.

²⁰ Седов В. В. Новгородские сопки ... С. 14.

²¹ Пронин Г. Н. Отчет о работе Ильменской экспедиции в 1980 г. // Архив Новгородского музея. Ф. 1. 1980/82. С. 3, 6, 9, 13.

²² Археологический заповедник организован по решению Новгородского облисполкома от 21.04.1986 г. № 177.

²³ Носов Е. Н. 1) Отчет о работе Новгородского археологического отряда ЛОИА АН СССР в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 6067. С. 10-14; Носов Е. Н., Верхорубова Т. Л. Исследования комплекса культуры длинных курганов на оз. Съезжем в Новгородской области. // АО-1976. М., 1977. С. 26

²⁴ Носов Е. Н. Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 6067. Р-1. 12191. С. 16-24

²⁵ Конецкий В. Я. Отчет о работах Новгородского музея в 1987 г. // Архив ИА РАН.

²⁶ Конецкий В. Я., Сивохин С. Г. Исследования позднесредневекового селища у деревни Княжье Село Любытинского района Новгородской области / // НиНЗ ИиА. Вып. 9. Новгород, 1995. С. 20-30.

²⁷ Конецкий В. Я., Иванов А. Ю., Сивохин С. Г., Торопов С. Е. Новые данные о погребальных памятниках в долине реки Белой. // НиНЗ ИиА. Вып. 10. Новгород, 1996. С. 32-35; Конецкий В. Я., Иванов А. Ю., Торопов С.Е. Новые исследования памятников культуры длинных курганов в долине реки Белой. // НиНЗ ИиА. Вып. 11. Новгород, 1997. С. 29-36.

²⁸ Конецкий В. Я., Иванов А. Ю., Сивохин С. Г., Торопов С. Е. Новые данные... С. 35-37.

²⁹ Конецкий В. Я., Иванов А. Ю., Торопов С. Е. Исследования Любытинского (Мальшевского) городища: первые результаты. // НиНЗ ИиА. Вып. 12. Новгород, 1998. С. 32-34; Конецкий В. Я., Иванов А. Ю., Торопова Е.В., Торопов С.Е. Работы областной экспедиции Новгородского универ-

ситета в Новгородской области. // НиНЗ ИиА. Вып. 13. Новгород, 1999. С. 19-21.

³⁰ Конецкий В. Я., Иванов А. Ю., Торопов С. Е. О новых возможностях метода фосфатного анализа при разведке поселений. // Поселения: среда, культура, социум. Матер. тематич. науч. конф. СПб., 1998. С. 87-89.

³¹ Орлов С. Н. Памятники раннего железного века на территории Новгородской области. // Археологические исследования Новгородской земли. Л., 1984. С. 70-84.

³² Современное состояние проблемы см.: Исланова И. В. Проблемы изучения древностей I тыс. н. э. (Валдай - Верхнее Поволжье - Волго-Окское междуречье). // ТАС. Вып. 4. Т. II. Тверь, 2001. С. 6-7.

³³ Конецкий В. Я., Иванов А. Ю. К типологии погребальных древностей Северо-Запада (на материалах Бельского [Любытинского] археологического комплекса). // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1997. С. 3-8.

³⁴ Конецкий В. Я. Формирование культуры длинных курганов. // НиНЗ ИиА. Вып. 11. Новгород, 1997. С. 223.

³⁵ Кузьмин С. Л. О хронологическом соотношении сопки и длинных курганов (по материалам западных районов Новгородской земли). // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., 1991. С. 93-96.

³⁶ Кузьмин С. Л. Волховские сопки на современном этапе изучения. // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинский. СПб., 1997. С. 110-111.

³⁷ Конецкий В. Я. О культурной принадлежности древнейших славянских памятников Приильменя. // Ладога и эпоха викингов. Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1998. С. 4-8.

³⁸ Конецкий В. Я. Центр и периферия Приильменя в IX-X вв.: особенности социально-политического развития. // НиНЗ ИиА. Вып. 8. Новгород, 1994. С. 51-52.

³⁹ Конецкий В. Я. Новгородские сопки в контексте этносоциальных процессов конца I - начала II тыс. н. э. // НИС 4 (14). СПб., Новгород, 1993. С. 3-26.

⁴⁰ Носов Е. Н., Плохов А. В. Поселение Золотое Колено на Средней Мсте. // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991. С. 131.

⁴¹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX-XIII вв. (САИ. Е1-36). Л., 1971. С. 9, 81. № 4.

⁴² См. статью К. А. Михайлова в настоящем издании.

⁴³ Конецкий В. Я., Носов Е. Н. К вопросу о сложении... С. 52-53.

⁴⁴ Кузьмин С. Л. О хронологическом соотношении... С. 92.

⁴⁵ НПЛ. М., Л., 1950. С. 113

⁴⁶ Носов Е. Н., Верхорубова Т. Л. Исследования комплекса... С. 26.

⁴⁷ Конецкий В. Я., Иванов А. Ю., Сивохин С. Г., Торопов С. Е. Новые данные... С. 36-37.

- ⁴⁸ Конецкий В. Я. Археологические памятники у с. Дрегли быв. Тихвинского уезда. // Тихвинский сборник. Тихвин, 1988. С. 49-51.
- ⁴⁹ Носов Е. Н. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (К вопросу о славянском расселении). // НИС 1 (11). Л., 1982. С. 43-78; Конецкий В. Я. Некоторые итоги исследования грунтовых могильников в центральных районах Новгородской земли. // Археологические исследования Новгородской земли. Л., 1989. С. 154-172.
- ⁵⁰ Алексеев Л. В. "Оковский лес" Повести Временных лет. // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 7, 11. Рис. 2.
- ⁵¹ Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. М., 1976. С. 165.
- ⁵² НПК. Т. II. СПб., 1862. С. 411; Там же. Т. IV. СПб., 1910. С. 843, 951; Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. // Зап. РГО. СПб., 1853. Кн. VIII. С. 185, 190, 191 и др.
- ⁵³ " (6951) Того же лета постави архиепископ Ефимий церковь каменну святого Прокофия на Белой". См. Новгородская IV летопись. // ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. М., 2000. С. 438.
- ⁵⁴ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. Кн. 1. М., 1952. С. 556-558; Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961. С. 113, 114, 119.
- ⁵⁵ Кильдюшевский В. И., Курбатов А. В. Традиционность в материальной культуре русской провинции позднего средневековья. // ТАС. Вып. 4. Т. 2. Тверь, 2001. С. 308, 314
- ⁵⁶ Иванов А. Ю. К событиям 1613 г. в Среднем Помостье. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Часть I. Великий Новгород, 2000. С. 12-18.
- ⁵⁷ Иванов А. Ю. Наконечники копий из окрестностей Любытина. // Ладога и эпоха викингов. Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1998. С. 96-97.